

В. А. Туляков, д.ю.н., профессор, член-корреспондент НАПрН Украины, заслуженный деятель науки и техники Украины, проректор, заведующий кафедрой уголовного права Национального университета Одесская юридическая академия

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

Розглянуто проблему необхідності наукового забезпечення формування балансу між інтересами злочинця, потерпілого, третіх осіб та держави як основного елемента сучасної кримінальної політики. Зроблено висновок про необхідність формування нової теоретичної моделі Кримінального кодексу України.

Рассматривается проблема необходимости научного обеспечения формирования баланса между интересами преступника, потерпевшего, третьих лиц и государства как основного элемента современной уголовной политики. Сделан вывод о необходимости формирования новой теоретической модели Уголовного кодекса Украины.

The problem of necessity of the scientific providing of forming of balance is put between interests of criminal, victim, third persons and state as a basic element of modern criminal politics. Drawn conclusion about the necessity of forming of the new Theoretical model of the Criminal Code of Ukraine.

Наблюдаемые во всем мире циклические тенденции в динамике преступности и виктимности, генетический анализ структуры преступлений и отношения к преступному поведению в различных культурах свидетельствуют об определенных изменениях во взаимодействиях между преступностью и обществом, о появлении новых типов преступности, которые определяются как закономерностями и свойствами самой преступности, так и социальными противоречиями развития общества, да и всего мира в целом.

При этом преступность рассматривается как социальный институт, реализующийся в совокупности запрещенных уголовным правом деяний; как институт, существующий в правовом поле, определяющем совокупность девиаций как с точки зрения права, так и культуры общества в целом (право и антиправо, злоупотребления правом, аномальное поведение); как институт, имманентно присущий любому обществу, стремящемуся к упорядочению поведения участников цивилизационного процесса. При этом институциональные свойства преступности, порождающие новые криминальные практики (В. Дремин), и индивидуальная криминальность отдельных социопатичных личностей проходят проверку методами социального контроля, лежащими, как правило, в плоскости уголовно-правового регулирования.

Осуществляя охранительные, регулятивные, предупредительные, воспитательные и восстановительные функции, современное уголовное

право содействует контролю и ограничению преступности, способствует упрочению системы общественной и личной безопасности. Аксиоматично, однако, что только лишь методами уголовного права, широким применением карательных мер преступность обуздать не удастся. Во многом это связано с тем, что все уголовно-правовые и криминологические теории верны. К сожалению, отчасти. Отсюда разумная критика международного уголовного права и супранационального уголовного законодательства, выражающаяся в постоянных юрисдикционных противоречиях (конфликт между Международным уголовным судом, уголовно-правовой секцией Африканского суда по правам человека и народов, Куало-Лумпурским трибуналом по военным преступлениям и пр.). Отсюда редукционизм отдельных доктринальных положений, доминирующих в уголовно-правовой идеологии той или иной правовой семьи (государства), который приводит к ошибкам и просчетам на уровне законодательной и правоприменительной практики.

В этой связи особый интерес представляют, например, многочисленные попытки унификации составов общеуголовных преступлений в странах Евросоюза, никоим образом не корреспондирующие с гибкостью и утилитарностью мусульманского уголовного права и селективностью, например, израильского уголовного законодательства (закон, прецедент, обычай). Абсолютно очевидно, что унификация (хотя бы только уголовно-правовых санкций в рамках одной правовой семьи, но различных национальных культур) обречена на определенные сложности. Что уже говорить о принципиально отличающихся друг от друга доктринах?

Проблема состоит и в том, что большинство современных уголовно-правовых теорий основаны на дихотомии противоположностей, где государственное принуждение и преступление как протест изолированного индивида есть антагонистические стороны конфликта, в котором нет ни выигравших, ни проигравших. Теряют все - одни свободу, здоровье, силы, репутацию и жизнь, другие - полноправных и полноценных членов общества.

На весы «преступление - кара каждый день отсыпается уровень зла со стороны государства, достаточного, по мнению профессионалов, для воздаяния злу индивидов. Такова формула. Зло должно быть наказано. И никакие идеи ресторативной, ретрибутивной юстиции не в состоянии в полном объеме изменить ее. Отсюда наблюдающиеся тенденции призонизации общества и усиления тотального административного принуждения, увеличения общего ущерба от преступности и стоимости расходов на социальный контроль. При этом увеличение количества злых поступков идет по нарастающей, находясь в зависимости от уровня аномии в обществе, нормосознания граждан. И вслед за этим мы накапливаем опыт их наказывания.

Исходя из неоклассической доктрины, такой подход должен привести к позитивному результату. Однако в действительности отклоняющееся поведение стало нормой для значительной части населения во всем мире. Речь идет о криминальных экономических практиках, прячущихся в

пограничной латентности, об общеуголовных правонарушениях, ставших массовыми из-за их субъективной обыденности и полезности, не говоря уже о набивших оскомину системных актах коррупции и злоупотреблений властью, проявлениях организованной и транснациональной преступности. Интересно, что парадокс современной публично-правовой доктрины заключается в постепенном размывании публичности, возврате презумирования примата индивидуального, частного, частного над государственным, публичным, общественным. Антропоцентризм современных обществоведческих работ очевиден. Отчетливо он прослеживается и в уголовно-правовых исследованиях (А. Бойко, В. Борисов, А. Музыка, В. Навроцкий, Т. Присяжнюк, Н. Сенаторов и др.) Однако заметим, что увеличивающееся количество публикаций и диссертационных исследований, выполненных в русле уголовно-правовой охраны прав потерпевшего, так же не может дать позитивного результата в полном объеме. И дело здесь в возможном перекосе баланса властных полномочий. К тому же возвращение к «головничеству» в системно коррумпированных социальных структурах может привести к дисфункциям в системе правоохранительной деятельности, коллапсу ее определенных элементов, формированию группы лиц, последовательно уклоняющихся от уголовной ответственности. Нет нужды говорить, что подобного рода активность ведет к массовому недовольству, а в перспективе - к самосудам и иным формам массовых беспорядков. Потенциал абстрактной ненависти, накопленный в обществе, можно оценить лишь в такие моменты, - писали журналисты, оценивая сегодняшнее состояние общественного сознания по отношению к власти имущим, преступающим закон.

Вот почему центральная проблема современной уголовной политики состоит в научном обосновании баланса равновесной защиты частных и публичных интересов принудительными средствами и методами. Уголовно-правовое регулирование должно представлять собой не только инструмент защиты государства от посягательств на его суверенитет и безопасность, но и инструмент охраны прав и свобод личности и общины. Упор на общинное правосудие, на юстицию причастных особенно важен при переориентировке вектора уголовно-правовой охраны.

В этой связи выделяются четыре адресата уголовно-правового регулирования: преступник, потерпевший, третьи лица (община, трудовой коллектив), органы социального контроля. Если же признать, что генеральной целью уголовного права является ограничение и противодействие:

- 1) преступному поведению как волевому нарушению уголовного закона, осуществленному субъектом преступления;
- 2) преступному состоянию как специфической направленности личности, выражающейся в криминальном образе жизни и устойчивой преступной активности (сексуальные перверсии) и требующей особых мер уголовно-правового реагирования;
- 3) преступности как социальному институту, реализующемуся в совокупности связанных нормативной формой деяний, отношений между преступниками,

государством, обществом, потерпевшими и третьими лицами, то логичным будет последовательное освещение данных теоретических аспектов и проблем при формировании либо совершенствовании современной уголовно-правовой доктрины.

Преступность и реализующиеся в ней преступления становятся универсальной проблемой общества, являющейся элементом образа жизни отдельных лиц (профессиональные преступники), социальных групп (беловоротничковая преступность), общества и государства в целом (криминальные практики, злоупотребления правом в тоталитарных государствах). Это предполагает не просто коррекцию отдельных норм и институтов уголовного права с целью приведения их в соответствие с постоянно изменяющейся системой социальных реалий, но и постановку задачи о создании новой модели уголовно-правового реагирования, объединяющей в себе цели возмездия (наказание), превенции (меры безопасности), реституции (меры компенсации), реабилитации (поощрительные меры), защиты (меры социальной защиты).

Задача уголовного права в утилитарном, легистском смысле – охрана конституционных норм и принципов. По сути дела, УК - это Конституция с санкциями. Неоконченность процесса конституционной реформы, нестабильность регуляции отношений будут приводить к закономерной неэффективности и паллиативности новелл рекодификации уголовного законодательства, а также к формированию нового комплекса временных мертвых норм. Как правильно заметил С. В. Максимов по поводу состояния российской науки уголовного права: Один из парадоксов нашего времени состоит в том, что написать текст УК РФ, который в самых разных отношениях будет лучше текста действующего уголовного закона, мы можем, а принять лучший закон, который к тому же будет работать так, как задумал законодатель, уже нет.

Это означает, что необходима и новая теоретическая модель Уголовного кодекса, рассчитанная на стабильное развитие отношений государственного строительства, охрану прав и законных интересов личности.

Но может ли уголовное право достичь соответствующих целей, идя навстречу законодателю и постоянно запрещая определенные деяния? Может ли запрет предупредить наступление вреда, не существует ли каких-либо альтернатив криминализации в области предупреждения девиантного поведения? Наконец, какова идеальная таксономическая схема, при которой единая классификация обосновывает оптимальность криминализационных процессов?

Вот еще несколько проблемных вопросов, которые также хотелось бы поставить на рассмотрение в связи с этим.

1. Структурное совершенствование учения об уголовном законе в части более четкого описания форм и видов уголовно-правового воздействия, принципов, источников, юрисдикционных полномочий, оснований ответственности, особенностей непривлечения и освобождения от уголовной

ответственности, правил аппроксимации, уголовно-правового тезауруса. Данный цикл работ включает в себя решение комплекса проблем доктринального характера, начиная от многоколейности уголовно-правового воздействия и заканчивая предельной формализацией оснований непривлечения к ответственности (иммунитетов и привилегий в уголовном праве).

2. Формализация учения о преступлении и уголовном проступке с новой классификацией и таксономией, основанной на делении личность, собственность, государство, общество, мораль; оптимизация регулирования в рамках единой нормы, где критерием отличия преступления от проступка служат типовая санкция и волеизъявление потерпевшего.

3. Выяснение места и роли института потерпевших от преступления в формировании уголовной и криминологической политики государства; определение характеристик потерпевших и их благ в системе объектов уголовно-правовой охраны; изменение роли и значения потерпевших в системе уголовно-правовых отношений и ответственности путем введения категории потерпевших в обязательный элемент *corpus delicti*; определение примата личного вреда в определении критериев общественной опасности уголовного правонарушения (преступления и проступка) при категоризации уголовных правонарушений; определение потерпевшего (специального потерпевшего) как самостоятельной категории уголовного права; криминализация предварительной преступной деятельности только по жалобе потерпевшего; введение институтов согласия потерпевшего, медиации, реституции и компенсации как самостоятельных либо дополнительных форм реализации ответственности за уголовные правонарушения; определение нормативных характеристик учета мнения потерпевшего при назначении наказания, освобождении от наказания и его отбывания, применении мер безопасности и мер социальной защиты; определение совокупности признаков криминализации деяний против специальных потерпевших в качестве квалифицированных составов преступлений и выделение таких признаков в качестве основных критериев криминализации; постулирование ответственности правонарушителей, обвиняемых в совершении привилегированных составов, только по жалобе потерпевших; ранжирование составов Особенной части УК в зависимости от значимости охраняемого блага для потерпевших.

4. Совершенствование системы наказаний (штраф, лишение свободы, пробация) и иных уголовно-правовых мер: безопасности (конфискация, лишение прав), мер социальной защиты (принудительные меры медицинского и воспитательного характера), мер компенсации, мер реституции, мер поощрения.

5. Предельная формализация правил назначения наказания. С нашей точки зрения, речь здесь должна идти как о формализации назначения наказания при наличии смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств, так и декриминализации квалифицированных составов деяний, в которых то или иное обстоятельство было первоначально указано в качестве

системообразующего. Например, такие признаки, как совершение преступления повторно, организованной группой, преступной организацией, лицом с использованием своего служебного положения, должностным лицом и др., должны быть исключены из диспозиций конкретных составов Особенной части УК, поскольку их целесообразно предусмотреть в соответствующих нормах Общей части УК, отягчающих наказание. Аналогичным образом можно решить вопрос с обстоятельствами, смягчающими наказание, которые выступают системообразующим признаком диспозиции статьи Особенной части УК (например, совершение преступления в состоянии сильного душевного волнения).

6. Оптимизация количества специальных норм в Особенной части УК. С нашей точки зрения, например, было бы правильным изменить диспозицию ст. 115 УК Украины, именуя ее «Умышленное посягательство на жизнь и декриминализовав нормы, нарушающие принцип равенства и подвергающие дополнительной охране представителей органов государственной власти, сотрудников правоохранительных органов, лиц осуществляющих правосудие, и т.п. И таких примеров системного нарушения базовых принципов справедливости и равенства достаточно много.

7. Ликвидация большей части составов с двойной формой вины с переносом ответственности в общие нормы.

8. Ликвидация значительной части составов с бланкетными диспозициями с переводом поля ответственности в русло гражданско-правовых или хозяйственно-правовых отношений.

Каждый из этих вопросов практически является предметом самостоятельного исследования. Однако практика последних научных форумов по уголовному праву и криминологии свидетельствует о необходимости их научного рассмотрения.